

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

Среди выпускников кафедры истории искусств, созданной Б. В. Павловским в начале 1960-х гг., наряду со специалистами-искусствоведами — живописцы и скульпторы, камнерезы и ювелиры, актеры и писатели. Иные из них известны далеко за пределами Урала.

У Бориса Васильева, когда он поступал в Уральский университет, за плечами была нелегкая жизнь. Родился он в Уфе в 1934 г. и рано осиротел. Отец Петр Григорьевич, военный служащий, стал в 1937 г. жертвой репрессий, мать Зинаида Ивановна, художница, умерла накануне войны. Воспитывался у бабушки, у тетки, в военные и послевоенные годы — в детских домах Москвы и Витебской области (Оболь). После окончания Калининградского ремесленного училища служил в армии в войсках ПВО в Архангельске, учился в школе рабочей молодежи. В 1956 г. поселился в Свердловске. Всю сознательную жизнь работал художником в различных организациях: от заводов до НИИ. Сколько помнит себя, занимался литературным творчеством, писал рассказы, повести, стихотворения. Исполняя стихи под аккомпанемент гитары на собственные мелодии, по-своему вписался в эпоху бардов 60—70-х гг. В 1988 г. при переезде пропали рукописи и ценные черновики, пришлось все начинать сначала, именно тогда появился псевдоним *Борислав Васильев*... Особый интерес из вновь созданного представляет рукопись «Дневника» (1994—2002). К сожалению, обстоятельства переходного времени и личная жизнь Бориса Петровича не способствовали удачной издательской судьбе его произведений.

В 1967 г. — за два года до окончания университета — Б. Васильев опубликовал в журнале «Урал» свой первый рассказ «Подарок Вовки Клёпова», который был инсценирован на местном радио Григорием Гуревичем. В 1986 г. вышел из печати сборник сочинений «После работы» и сразу привлек внимание читающей публики и критики* тонким лиризмом, искренностью чувств, проникновенностью образов. Предлагаемый здесь рассказ — запоздалое поздравление Борислава Васильева с 70-летием — взят из книги «Сегодня и вчера. Большие рассказы», которая готовится к выходу в издательстве Уральского университета. Эта книга проиллюстрирована замечательным художником Геннадием Райшевым. Язык героев, достоверность деталей быта обнаруживают подлинное знание как деревенской и городской жизни 1940—1960-х гг., так и теперешней постсоветской «цивилизации». Авторская манера свободна, сюжет динамичен, текст читается легко, однако образная система не заземлена и тяготеет к символическим обобщениям. Будем ждать выхода в свет труда талантливого прозаика.

Галина Голынец

---

* См.: *Лейдерман Н.* Свое начало // Урал. 1967. № 12; *Филиппович А. С.* Доброе слово [Рукописный отзыв на сборник рассказов «После работы». 1978 (архив Б. В.)]; *Климушкин В.* Родом из детства: Рец. на сб. рассказов «После работы» // Вечерний Свердловск. 1987. 18 февр.

Б. Васильев**РАЗМОЛВКА**

«Слепой» дождь брызнул на горячую платформу. По-молодому напористый и хлесткий, он скоро иссяк, как если бы там, наверху, внезапно спохватившись, перекрыли какой-то вентиль, и этот нежданно-негаданный благодатный душ с ясного неба вдруг прекратился. Его бодрящей, живительной силы едва хватило, чтобы на время прибить вокзальную пыль да оживить поблекшую краску вагонов. Тюленьими тушами маслянисто-густо залоснились прокопченные шпалы, чуть заметной испариной задымилось раскаленно-блестящее полотно рельс, за серым тяжеловесным зданием вокзала в разбеленную синь врос семицветный столб радуги, последние капли не успели упасть на землю, как от первых след просох. Жадное солнце высушило воздух, выпило влагу. Чудом возникший было кроткий ветерок свежо и остро пахнул в ноздри размягченным асфальтом, мазутом, крезолитом и прочими железнодорожными ароматами да куда-то исчез, должно быть, в чисто поле удул, где ему был больший простор резвиться. И снова, как и минутой раньше, все живое искало спасительной прохлады. И только разноцветный столб продолжал маячить в высоком полуденном небе, словно радужное напоминание об этом прохладном, до сожаления коротком светлом дождике, которого они даже и не заметили, пробираясь подземным переходом к своей платформе.

У Валентина шнурок развязался некстати на правой туфле. Хлопает гулко по каменным плитам твердым каблуком, а завязать недосуг: сзади подпирает, наступая на пятки, людской спешащий поток, на спине зеленой горой дыбится набитый до отказа дорожной чертовщиной огромный рюкзак, руки заняты двумя объемистыми чемоданами (переносицу под очками кто бы почесал), а голова — одной заботой: не опоздать.

Тоннель он как-то одолел. Подняться же по лестнице в таком положении оказалось делом непростым: приходилось пальцы ноги проталкивать вглубь носка, сгибать их в суставах и с притопом ставить ногу на следующую ступеньку. Ольга, жена его, одетая в ситцевый сарафан, разрисованный по зеленому полю оранжевыми цветами, в легких босоножках, с замшевой сумочкой, легкомысленно свисающий с локтя, пыталась помогать ему, хваталась за ручки чемоданов, но тщетные усилия ее только раздражали. Пришлось сказать ей, чтоб не путалась под ногами:

— Отстань ради бога! Лучше их поторопи. Где они там тащатся?

Она недовольно поджала крашенные губы, подождала, пока с ней поровнялась старушка, ведшая за руку девочку, без усталости прыгающую на одной ножке, взяла эту попрыгунью под локоть, и они втроем побежали вдогонку за зеленым рюкзаком.

Лелечка — беззаботнейшее существо — умудрялась и по лестнице скакать на одной ножке, порхала бабочкой-капустницей в белом платье, при-

жимая к груди большую красивую куклу. Кукла поразительно походила на свою хозяйку. Звали куклу Альбиной.

Выскочили из подземельной прохлады на белый свет, на слепящее солнце. Валентин кинулся к своему вагону, а до него, как оказалось, еще неблизко. Потопал, сгорбившись под тяжестью поклажи, припадая на правую ногу с болтающейся туфлей, будто прихрамывая. Его скомканная, долговязая, нескладная фигура с вытянутой вперед длинной шеей, с покатыми неширокими плечами, к тому же сдавленными лямками рюкзака, со стороны выглядела куда как комично. Недаром Лелечка с детской обескураживающей непосредственностью заявила во всеуслышанье:

— А наш папка немножко на клоуна похож! Правда же?

Бабушка дернула ее за одну руку:

— Ты что такое про отца мелешь?

Мать за вторую:

— Такая невыдержанная девчонка! Дергаешься без конца, как паралитик. Лелечка выронила куклу. Скуксилась.

— Вовсе я не паралитик. Я уставший человек. Таскаете меня за собой весь день. А я не хочу ехать в вашу деревню. Ехайте в нее без меня. Я тут останусь.

— Ты что такое удумала! — нахмурилась пуще бабушка.

— Вечно у тебя странности не к месту появляются, — сказала мать, и они потащили девочку дальше.

Валентин наконец-то доковылял до своего вагона, поставил чемоданы, с облегчением вылез из лямок рюкзака. Теперь можно было завязать злополучный шнурок, вытереть вспотевшую шею и, сняв очки, с удовольствием почесать переносицу. Тут и Ольга с бабушкой подросли, волоча за собой не вовремя заупрямившуюся Лелечку. Присели на чемоданы.

— Ох, задохлась! Не чаяла и живой добежать. В висках тикает, как кто туда ходики вставил. Ну и жарит-парит! — сказала бабушка, отдуваясь, будто пятую чашку чая пила за самоваром.

— Ты не забыла свой халат? — спросил Валентин у жены.

— Халат — нет. Купальник, боюсь, остался в шифоньере. Или взяла? Ничего не помню с этим суматошным днем. — К бабушке: — Мама, домой приедешь, не забудь суп поставить в холодильник. Наварила его, а никто не ел. Тебе хватит еще на дня два.

— И меченосцев не забудь подкармливать. Подкормка в тарелке на подоконнике стоит, — сказал Валентин бабушке.

— Хорошо, не забуду. Не задерживайтесь долго-то. Погостите недельки две, и будет.

— Внимание! Через пять минут с пятой платформы отправляется поезд номер семьдесят третий, следованием... — проговорил внятно репродуктор.

— Это наш. Давайте прощаться, — поднялась Ольга.

— Как на место приедете, пошлите открыточку. Письма не прошу. Открыточку по-скорому чиркните, — напомнила бабушка.

— Па-ста-ра-нись! — пропел носильщик, вприпрыжку пробегая мимо их с какой-то поклажей.

— Лелечка, поцелуй бабушку.

— Ленушка, деточка, будь умницей, не балуй. В деревне хорошо, птички поют...

— Не хочу в деревню! Не поеду!

— Ленушка, матушка, успокойся. В деревне хорошо. На солнышке позагорает, по травке побегаешь...

— Не поедууу! Не хочууу!

— Господи, что же это такое? Оля, Валя, успокойте девочку!

— Легко сказать — успокойте.

— Валентин, носи чемоданы!

— Лелька, перестань! Народ смотрит. Маленькая Альбина не плачет, а ты ревешь! Не стыдно?

— Не поедууу!

Валентин отнес чемоданы в вагон. Рюкзак в тамбур забросил. Вернулся. Решил проявить отцовскую твердость, сгреб дочку в охапку, попытался втащить в вагон. Куда там! Девчонка неистово забила руками, ногами заекала, судорожно задергалась и так пронзительно завизжала, что оглушенный, огорошенный папа только рукой махнул:

— Конец света, а не ребенок!

Вокзал праздных не любит. Но как-то незаметно на перроне собралась, окружила их толпа любопытных. В толпе, как водится, разговорчики:

— Избалованная, видать, девочка, изнеженная.

— Балуют на свою голову, а потом сами не рады бывают.

— Родители прилично одетые. Должно, культурные люди. У таких и рождаются капризные да нервные.

— Сейчас все одеваются одинаково, что культурные, что бескультурные — не разобрать. Потакать надо меньше. Много сюсюкаются с ними.

— И то верно. Один ребенок — вот и милуют, вот и обхаживают. Луну с неба запросит — рады достать. Они и растут цацами.

А поезд напрягся, вот-вот тронется. И надо было рассчитывать лишь на чудо, которое могло бы спасти их положение.

Так оно почти и случилось. Небо как будто услышало бабушкины причитания «Господи боже мой!», и приглушенные мамины возгласы «Что же делать?», и немое папино отчаянье, сжалилось, послало им избавление — факира, мага, доброго волшебника. Он явился в образе седенького старичка в белой капроновой шляпе с мелкими дырочками. (Солнце просвечивало сквозь эти дырочки и лицо старичка, казалось, светилось изнутри.) На нем был светлый полотняный, очень просторный костюм. (Настолько просторный, что тела старичка в нем не ощущалось.) На ногах белые матерчатые, мягкие туфли. (И, надо полагать, если он спустился с неба, то не иначе как на белом облаке.) И палка при нем имелась. Изящная, легкая, из редкого темного де-

рева, украшенная по всей длине затейливым геометрическим орнаментом (или магическими знаками) с тяжелым медным, золотым ли набалдашником. (И, думается, прихватил он ее неспроста, чтобы с помощью этой, без сомнения, волшебной палочки, творить там разные свои чудеса.) Такой чистенький, эфемерный, не от мира сего старичок — белая ворона среди массивных вагонных туш, мазута и копоти, людской толчеи, всеобщего шума — возник, конечно же, не случайно. (Впереди него, как и подобает волшебнику, катился белый клубок шерсти.) И когда Лелечкин визг достиг небывалой высоты, перекрыв все другие шумы и звуки, лицо старичка сморщилось, как если бы во рту он раздавил клюкву. И стоило ему приподнять слегка свою тросточку, как людское кольцо перед ним расступилось, пропуская его в центр круга, где прямо на земле, распростертая и зареванная, ставшая некрасивой и жалкой, лежала маленькая девочка и над ней стояли ее родители, удрученные внезапно свалившимся несчастьем.

Клубок шерсти подкатился к Лелечке, остановился, вытянулся столбиком — обозначились крохотные мохнатые лапки, черная кнопка носа, красный кончик языка, — такая прехорошая аккуратенькая болонька, похожая на старомодную опрятную старушку, сидела перед ревушей девочкой и совсем по-старушечьи рассматривала ее, наклонив голову набок. Не хватало ей монокля в глазу, как, впрочем, и самих глаз тоже не видно было за седой куделью шерсти. И все обратили внимание на эту славную собачку. Послышались лестные комплименты:

— Ах, какая хорошенькая, какая миленькая собачка!

А когда она, подчиняясь загадочным движениям волшебной тросточки, закружилась на задних лапках в медленном вальсе, а потом, перевернувшись головой вниз, этот же танец исполнила на передних, раздались даже аплодисменты.

— Хочу маленькую собачку! — всхлипывая сквозь икоту, капризно потребовала Лелечка.

Валентин воспользовался возникшей паузой, затишьем, поднял Лелечку на руки и, приговаривая на ходу: «Мы тебе купим такую же», — понес ее в вагон. И мать поспешила за ними, заискивающе поглядывая на дочку, поддакивая отцу: «Обязательно купим. Даже лучше». И бабушка семенила следом и тоже что-то обещала и махала рукой на прощанье, но слов ее никто не слышал. Вагон дернулся и медленно поплыл.

Они прошли в купе, устало опустились на свои места, выжидая молчали, освобождаясь от только что пережитого волнения. А с Лелечки — как с гуся вода. Она тут же прилипла к окну, высматривая на удалявшейся платформе чудесного старичка с его не менее чудесной собачкой. Но их не было видно.

Валентин расстегнул пуговицы на рубахе, подул на потную грудь, сказал с заметной дрожью в голосе:

— Ох, Лелька, устроила ты нам вокзальный концерт! Ну, заяц, дождешься, возьмусь я за тебя — не обрадуешься!

— Ах, оставь! — безнадежно взмахнула Ольга рукой с платком. Ты, кажется, не раз брался воспитывать таким образом. Как до дела доходит, все твоё воспитание моментально улетучивается.

— Это вы со своей сердобольной мамашей развратили ребенка: «Лелечка, деточка, матушка, душечка, голубушка...»

— Помолчал бы! Хорош отец — с одним ребенком не можешь справиться.

— С ребенком, допустим, я справлюсь, а с вами мне не под силу. Вы хуже любого ребенка: того хоть можно чему-то научить, вас бессмысленно.

— Ах, не говори! Слабохарактерный, безвольный человек. Чему ты можешь научить?

— Да если бы не вы, защитники! От вас только и слышишь: «Валентин, оставь девочку в покое! Валентин, не тирань ребенка! Кто нашу Лелечку обидел? Опять папка? Ах, какой папка нехороший!»

— Мама, папа, смотрите — радуга! — восторженно закричала Лелечка, прервав перебранку родителей, пальцем показывая в голубое чистое небо.

— Не прислоняйся к окну, оно грязное! — раздраженно прикрикнула мать.

— Пусть девочка смотрит, — наперекор матери сказал отец. — Что же ей делать, как не смотреть в окно?

— Ну вот, вечно ты мне перечишь. Я сказала — нельзя, ты говоришь — можно. Я говорю — можно, ты — нельзя.

— Но почему же нельзя, когда можно.

— Все равно нельзя! — упрямо настаивала Ольга. — Тебе этого не понять.

Она вскочила с места, схватила дочь за руку, оторвала от окна, выставила за дверь.

— Иди погуляй в коридоре!

— Ты же не права в данном случае, — злясь на упрямство жены и на себя заодно сказал Валентин, — а делаешь по-своему и хочешь, чтоб я тебя понимал. Так у нас никогда ни в чем не будет согласия.

— Его у нас не было, и нет никакой надежды, что появится. Я прямо не знаю, это какой-то кошмар! Если так дальше будет продолжаться, то я прямо не знаю...

— Я тоже не знаю.

И они замолчали. С горькой обидой отвернулись и стали смотреть отрешенно в пыльное окно, в мыслях ругая друг друга чуть ли не последними словами: «Паршивый мозгляк, до чего ты мне надоел! Козел безрогий! Дай срок, я тебе их наставлю!» — «Ох и дура! Строптивная, вредная дура! Надоела своими придирами. Когда же я от тебя избавлюсь?» За окном уходили, исчезали, редели последние пригородные строения. Все больший простор открывался глазу, манил, заставлял смотреть на эти тягучие бесконечные поля и перелески вперемежку с редкими домишками и скудными огородами вкруг них. Дверь в купе отъехала в сторону, вошла Лелечка.

— Что, наругались без меня? — весело спросила она родителей и, не обращая внимания на гнетущее молчание, взяла их за кисти рук и соединила пальцы для обоюдного рукопожатия.

Отец и мать холодно подержались за руки, скорей для того, чтобы не огорчать дочку.

— Ох, Лелька, Лелька! — одновременно вырвалось у них, и каждый, наверное, подумал, что вслед за этим нужно бы загадать заветное желание и задать вопрос: «Когда счастье сбудется?». Но в эту минуту им было не до шуток.

Поезд стал забирать круто вправо, до того круто, что их стало клонить в противоположную сторону. Взгляду открылась широкая панорама: холмистая равнина сплошь до горизонта была засеяна хлебами. Хлеба успели войти в рост, но оставались еще зелены. И по этому зеленеющему морю из края в край, перегоняя волны зреющего зерна, пробегал порывами ветер. Стая грачей летела над полем по направлению поезда и казалась недвижимой, будто парила на месте. Солнце осталось слева, но его беспощадно жгучие лучи вы-серебрили гладь реки. На том берегу стадо пятнистых коров стояло по брюхо в воде. Коровы хлестали себя по бокам хвостами, как мочалками.

Кончалось поле темно-зеленой плотной стеной смешанного леса, в котором стволы берез светились сквозными просветами. Поезд дал длинный гудок, и скоро колеса вагонов загрохотали по мосту, и столбы железных ферм зачастили перед глазами с невероятной быстротой. У моста вездесущие ребятишки ловили на удочки рыбу и что-то кричали вслед вагонам, размахивая кепками: или приветствовали, глядящих на них через окна пассажиров, или ругали поезд за то, что он у них всю рыбу распугал.

И хотелось думать с надеждой на лучшее. Скоро они приедут в такой же благодатный край полей и лесов и спокойных речушек от городской надоевшей жизни с ее нервотрепным, суетным ритмом, и она, эта щедрая и мудрая природа, их помирит, и сегодняшняя ссора, как отрывка от той постоянной жизни, от которой они на время убегают, забудется, загладится, выветрится из памяти.

Но, может статься, что неприязнь друг к другу будет расти, обнажаться со всей очевидностью, станет явной, и страшные слова, какие каждый произнес про себя и пока что хранящиеся в запасниках души как запретное оружие, вырвутся из-под контроля и сделают свое подлое дело. Как знать.